

Русистика и современность

Старые вопросы, новые ответы

под редакцией

Иоланты Любохи-Круглик

Оксаны Малысы

Габриелы Вильк

Анны Зых

Katowice 2017

Recenzenci
dr hab. prof. UP AURELIA KOTKIEWICZ
(literaturoznawstwo i translatoryka)
dr hab. prof. UKW HALINA BARTWICKA
(językoznawstwo i lingwodydaktyka)
dr hab. KATARZYNA DEMBSKA
(językoznawstwo i lingwodydaktyka)

Projekt okładki i stron tytułowych
MAREK J. PIWKO

Na okładce wykorzystano fragment obrazu
Dawida Burluka
Пейзаж с повозкой и мельницей (Пейзаж с четырех точек зрения)

© Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2017

ISBN 978-83-7164-973-8

Монография издана при финансовой поддержке
фонда „Русский мир” — грант № 1780Гр/II-332-17

Publikacja dofinansowana przez
UNIwersytet Śląski w Katowicach

Publikacja dofinansowana przez
STOWARZYSZENIE WSPÓŁPRACY POLSKA-WSCHÓD

„Śląsk” Sp. z o.o. Wydawnictwo Naukowe
ul. Juliusza Ligonia 7, 40-036 Katowice
tel. (032) 258-07-56, fax 258-32-29,
e-mail: biuro@slaskwn.com.pl
<http://www.slaskwn.com.pl>

Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych
40-032 Katowice
pl. Sejmu Śląskiego 1/419
www.opcje.net.pl
stowarzyszenieiw@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов / 13

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЦЕССОВ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВ, ТАТЬЯНА ШВЕЦОВА

Русская литература XIX века в аспекте теории кризиса / 15

ЕЛЕНА АСТАЩЕНКО

Рецепция Льва Толстого и Фёдора Достоевского польским модернизмом: проза Станислава Пшибышевского / 27

СИМОНА КОРЫЧАНКОВА

Лексико-семантическая вариативность поэтического пространства
смыслового комплекса Всеединство
(на примере стихотворений Владимира Соловьёва) / 43

ОКСАНА ХРИПУНКОВА

Аксиологический аспект творчества Дмитрия Мережковского / 59

ВАХЬЮ ВИДЖАЯ, ИРИНА МИНЕРАЛОВА

Русско-японская война глазами очевидцев (Викентий Вересаев,
Леопольд Сулержицкий, Алексей Новиков-Прибой) / 73

УРШУЛА ТРОЯНОВСКА

«Действительность расширенных значений». Роман Мариам Петросян
Дом, в котором... как пример магического реализма / 87

ТЕРЕСА РОНЧКА-ЕЗЁРСКА

Характеристика жителей русской Риги 20–40 гг. XX века
с точки зрения национальной специфики их языка
на примере романа Ирины Сабуровой / 101

ИРИНА БАРЫШНИКОВА

Лирический герой в современной русской христианской поэзии
(на примере произведений иеромонаха Романа (Матюшина)
и Нины Карташёвой) / 119

МАГДАЛЕНА ВОЙЦЕХОВСКА

Сахарный Кремль Владимира Сорокина
в контексте традиции жанра антиутопии / 133

ЕВГЕНИЯ КРАВЧЕНКОВА

Рассказ Дмитрия Бакина *Страна происхождения*:
борьба с неизбежностью / 147

ПЕРЕВОД

КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННА БЕДНАРЧИК

Фильм и «романс» — попытка перевода / 163

МАРИЯ НЕНАРОКОВА

Плавание Адама Мицкевича:
традиция перевода и личность переводчика / 179

ДОРОТА ГЛУШАК

Безэквивалентные наименования в текстах «Вестей-Курантов»
первого семидесятилетия XVII в. / 195

ГАЛИНА ГВОЗДОВИЧ

Лексема/термин ВИД в русском и белорусском языках:
семантическая сочетаемость и перевод / 213

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ПЁТР ЧЕРВИНСКИЙ

Актуальная лексика в контексте аналитических представлений развития языка (конец XX — начало XXI века) / 231

ЗДЕНКА НЕДОМОВА

Сопоставительное изучение лингвистической терминологии в Остравском университете / 249

ВИКТОРИЯ ВАЙДО

Лингвистическая терминология в словарях / 261

МАЧЕЙ ЛАБОХА

«Юзабилити» больших русско-польских словарей на материале парадигматической характеристики глагольных лексем / 271

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Юридический и социолингвистический статус русского языка на постсоветском пространстве / 285

ГУСТАВ МИХАЛ АКАРТЕЛЬ

К вопросу о концептуально-семантических моделях новых значений (на материале русских и польских социолектов) / 303

СЕРГЕЙ ХВАТОВ

Русский язык делового общения в условиях глобальной маркетинговой / 317

ЕЛЕНА КОРЯКОВЦЕВА

Глобализация и словообразовательные инновационные процессы / 329

ИРИНА ВОТЯКОВА, ЛИЛИЯ КИЛИНА

Словообразовательное гнездо как способ репрезентации концепта «страх» в русском языке / 341

ЭММА АРХАНГЕЛЬСКАЯ, РОЗАННА КУРПНИЕЦЕ

Неисповедимы пути языковой аналогии / 355

МАЛГОЖАТА БОРЕК

Языковая картина доверия в русском и польском языках / 365

ЭВА СТРАСЬ

Языковая экспликация концептов «кафе» и «kawiarnia»:
сопоставительный аспект / 379

РУССКИЙ ТЕКСТ

В КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

АННА ЗЫХ, ЭВА КАПЕЛА

Интертекстуальность в парламентских дебатах
(на материале стенограмм заседаний польского Сейма
и российской Государственной Думы) / 395

ОЛЕСЯ ШАРАФУТДИНОВА

Репрезентация фрагмента действительности в медийном
политическом тексте: анализ лексических единиц / 415

АДАМ ЯСКУЛЬСКИ

Образ Запада в провластных российских СМИ в свете кризиса
на Украине (на примере интернет-журнала «Однако») / 427

ХЕНРИК ФОНТАНЬСКИ

Композиционные аспекты образов памяти в русском
художественном тексте / 445

ЗОЯ НОВОЖЕНОВА

Коммуникативно-функциональные свойства
новых русских эзотерических текстов / 457

ТАТЬЯНА КАНАНОВИЧ

Критерии выделения моделей предложения
(на материале научных текстов) / 475

СВЕТЛАНА БИЧАК

Ситуативный комизм в произведениях Михаила Жванецкого / 491

АНЕТА БАНАШЕК-ШАПОВАЛОВА

Конфликтотенный заряд вербального межсоседского
взаимодействия (на материале корреспонденций) / 507

ТАТЬЯНА КОПЫЛОВА

Опущенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Фёдора Достоевского и Леонида Андреева) / 521

БОЖЕНА БОЛЕСТА-ВРОНА

Лексические особенности русскоязычной рекламы часов / 531

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДИКА

ЭВА ДЗВЕЖИНЬСКА

Место подкастов в формировании аудитивных умений / 545

ЯСМИНА СМЕХ

Русские мультипликационные фильмы на уроках РКИ / 557

ТАМАРА БЛУМ, ВЕРОНИКА ВАЙССЕНХОФЕР, ЕЛЕНА МАЛЕЕВА

Специфика использования игровых приемов на занятиях по русскому языку как иностранному / 571

ГОРДАНА НАУМОВИЧ

Использование видеоматериалов на уроках РКИ в Сербии / 587

ИЗАБЕЛА НОВАК

Представление культурно-ориентированной лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному / 593

СЕРГЕЙ ХРОМОВ

E-learning как инструмент совместной когнитивной деятельности преподавателя и студентов при обучении русскому языку как иностранному / 611

МАРИЯ КОССАКОВСКА-МАРАС

Система обучения e-learning РКИ в Жешувском университете — особенности, трудности, возможности / 619

АЛЕКСАНДРА КЛИМКЕВИЧ

Традиционное и дистанционное обучение РКИ. Опыт проведения занятий со студентами II курса востоковедения / 635

МАЛГОЖАТА ДЗЕДЗИЦ

Фасилитация в обучении иностранному языку
(на примере работы со студентами-русистами) / 653

АННА ЖУРАВЛЁВА

Развитие современного «белорусского» русского языка
в условиях двуязычия / 665

АНАСТАСИЯ СОКОЛОВА

Интерактивные технологии в процессе обучения РКИ
чешских студентов с нарушениями слуха / 677

АННА ЛЕНТОВСКАЯ

Иллюстрация исследований акциональности
русских глаголов в практике преподавания РКИ / 689

ЯДВИГА БЕРЕЗОВСКАЯ

Сопоставительный аспект суперсегментных средств
в русском и китайском языках при обучении РКИ / 699

Татьяна Копылова
Удмуртский государственный университет

ОПУСТОШЕННОЕ МОЛЧАНИЕ В СТРУКТУРЕ
РУССКОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ФЁДОРА ДОСТОЕВСКОГО И ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА)

Изучая человека говорящего, современная лингвистика все чаще обращает внимание на человека молчащего. Молчание — неотъемлемая часть общения — порой более информативно, красноречиво, нежели слово. Молчание многофункционально, оно выражает всю палитру чувств и эмоций. Особое место в структуре русского речевого поведения занимает молчание опустошенное, выражающее духовную пустоту человека, лишенного нравственных сил, не способного к жизни. Особенности данного коммуникативного феномена выявляются нами на материале произведений Фёдора М. Достоевского и Леонида Н. Андреева.

Исследование речевого поведения играет все большую роль в изучении коммуникации¹. Выделяя различные типы поведения во взаимодействии, ученые особое внимание уделяют агрессии, характеризующейся стремлением субъекта речи выстраивать коммуникативные отношения по собственному сценарию, в соответствии с собственными представлениями, ценностными ориентирами, оценками. Вторгаясь в коммуникативное пространство адресата, доминируя в нем, адресант не просто лишает собеседника права на речь, но и неизбежно трансформирует его аксиологическое и когнитив-

¹ Т. Винокур, *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*, Москва 1993.

ное пространства². Особое место в структуре подобного речевого поведения занимает молчание. Само по себе молчание — многофункциональный знак³. Обладая огромным коммуникативным потенциалом, в структуре речевого поведения молчание является сильнейшим средством воздействия. В то же время молчание — это и вынужденная коммуникативная позиция объекта агрессии, лишенного собственной речи.

В повести Фёдора М. Достоевского *Кроткая* речь героев характеризует не слово, а молчание.

Рассказчик, «отставной штабс-капитан блестящего полка, родовой дворянин»⁴, отказавшийся от дуэли с оскорбившим его сослуживцем, был вынужден покинуть военную службу. Вынашивая план «взять реванш, отомстить за понесенный ущерб и обиду», герой методично, шаг за шагом, выстраивает линию поведения, где он «суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает много». И жертва мести выбрана осознанно, «с намерением»:

Сирота. У теток три года была в рабстве. Поденная безжалостная работа. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Намеревались продать.

Переноса свою месть с общества на существо, значительно слабее и незащищенное его, герой мечтает, как в результате его блестящего плана она, как и мир, оскорбивший и унизивший его, должна понять, оценить, увидеть его великодушие и пасть «в прах, сложив в мольбе руки». Это минута триумфа — цель его жизни. В реализации своего плана герой создает целую систему,

² Т. Воронцова, *Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство*, Ижевск 2006.

³ А. Jaworski, *The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives*, Newbury Park 1993.

⁴ Здесь и далее цитирование по: Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах, Публицистика и письма*, т. 24, Ленинград 1982, с. 5–35.

где молчание занимает центральное место, а он — мастер молча говорить. Он « всю жизнь свою проговорил молча и прожил сам с собою целые трагедии молча ».

Почему молчание? Молчание строго, холодно, оно как нельзя лучше вписывается в его систему, основанную на порядке во всем («Порядок!»), молчание выстраивает стену; «тон джентельменский: мало слов, вежливо и строго» помогли герою достичь определенного успеха («держат кассу»). Строгий тон с публикой как нельзя лучше помогает герою осуществить задуманное, приблизиться к его мечте. И каждая маленькая победа вызывает в нем довольство. В его миропорядке строго определенное место отведено и ей; ее роль скрупулезно прописана им: она — «плата за его молчание». А он «знал, что женщина, да еще шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне», «в женщинах нет оригинальности, это — это аксиома». Его миропорядок, состоящий из аксиом, — это система противоположностей, где женщина противостоит мужчине, молодость — зрелости, эмоции — холодности, он — всему миру, да и всегда хотел он в жизни «или всего, или ничего», и говорил он, и действовал «pro и contra». «Молодежь презирает, например, деньги, — я тотчас же налег на деньги», «на восторги я отвечал молчанием», «я все это упоение тут же обдал сразу холодной водой» — «вот в том-то и была моя идея»; она должна была увидеть, что «мы разница», «кто был я и кто была она».

В системе героя она «ужасно молода (без трех месяцев 16)», «добра и кротка», «всего боится», «в ней [...] было много детского» — все это, да ее «отчаянное положение», все было ему на руку. Увлечшись своим планом, он не видел ее ума и проницательности («Вы мстите обществу? Да?»). Не замеченной была также ее глубокая эмоциональность и искренность:

Она с самого начала, как не крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом,

рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) все свое детство.

Даже тонко замеченное им желание Кроткой любить («она желала любить, искала любить») не заставили героя отказаться от его плана. Иногда он видел, как вспыхивают, загораются ее глаза, голубые, большие, задумчивые, как на губах появляется насмешливая складка или довольно едкая насмешка. Однако он, «как бы из высшего мира», никогда не сомневаясь в своем могуществе, только объяснял ей безжалостно и усиливал молчание. Лукерья, прислуга, предупреждала о ее гордости — «гордая она». Вместе с тем в его системе гордый — он, а она — горденькая. Таким образом он снисходительно обозначал все, что было с ней связано: бледненькая, тоненькая, белокуренькая, и личико у нее серьезное, и длинненький медальончик, и вещицы всякие — одно слово, горденькая.

Сначала она спорила и воспротивилась на предложение сделать свадьбу *à l'anglaise*. Но он только налег на молчание. «И так налег, что она все больше и больше начала умолкать», «раскрывала большие глаза, слушала и умолкала». Если раньше она могла перебить, то теперь ничего не говорила, поэтому они оба «молча ходили и молча возвращались», причем героиня уже не вспыхивала, а только глядела исподтишка. Взамен пылкой искренней речи приходит молчание. Кроткая приняла молчание, а вместе с ним и свою роль в созданной героем системе.

В исследованиях, посвященных данной повести, молчание Кроткой обозначается как защитное. Однако защитное молчание — молчание позитивное. Для Кроткой же молчание несвойственно и дается ей тяжело: ее искренняя, богатая эмоциями натура рвется наружу. Не случайно, когда она заговорила, то засияла, как солнце.

Еще ранее, до замужества, Кроткая — борец, бунтарь, деятельная натура, гордая. На все удары судьбы она отве-

чает деятельно, принимая вызов. Когда ее хотят вопреки ее воле выдать замуж, она ищет работу, а когда поиски работы ни к чему не привели, она пришла сдавать свои вещи. И здесь мы видим, как она меняется одновременно с отказом от слова: ранее была заносчивой, а теперь согласна трудиться даже на без жалования, из хлеба. В этом положении, когда «к отчаянию подошло», ее и встретил герой — как кроткую, покорную и добрую.

Смирилась ли героиня?

Она стремится оставить выбор за собой. Чем штабс-капитан лучше соседа-лавочника? И тот, и другой используют ее положение в своих интересах. Он лучше, потому он — это ее выбор. Он настаивал на свадьбе *à l'anglaise* — она не соглашается и выбирает пригласить теток. В отличие от него, у нее есть постоянная потребность рассказать, проговорить. И, несмотря на то, что герой все время налегал на молчание, героиня успела рассказать ему очень многое из своей жизни, детства. Она так эмоционально богата, что эти эмоции все время стремятся вырваться наружу. Она наивна и по сравнению с ним коммуникативно неискушена. Ее искренности противопоставлен хорошо продуманный план, выверенная до мелочей система. На ее пылкий порыв отвечали безжалостным и холодным молчанием, поэтому она стала умолкать. Ее молчание — это ответ на насилие. Она вынуждена молчать, потому что иное ей запрещено: запрещено выражать свои чувства, эмоции, мнение, ей отказано в общении, отказано даже выходить из дома. Молчание — это не выбранное ею коммуникативное поведение (как защита, например), не она является его инициатором.

Молчание Кроткой — вынужденная ответная реакция, когда коммуникант принимает предписанную ему роль, так как лишен права на достижение своих намерений и коммуникативных целей. Это вынужденная коммуникативная позиция, вынужденное молчание.

Кроткая молчала, но все еще бунтовала:

Батюшки, как вспыхнула!; Глаза — как загорелись!; Она ни спорила, ни проронила ни слова, ни сказала — а сдержалась, смолчала, приняла.

Однако каждый раз, когда она сдерживала себя, она уходила, как будто понимала, что уход всегда в ее праве.

Умолкая уже будучи женой, Кроткая опять не препятствует, не спорит, но чем больше она молчит, чем больше сдерживает слова свои, тем «больше дерзкий вид с ее стороны», «и все пуще и пуще насмешливая складка», и тем активнее ее действия: то она «вздумала выдавать деньги по-своему, ценить», то уходит из дома и возвращается только вечером, то захохочет прямо в лицо. Вынужденная сдерживать свои слова, Кроткая стремится к физической свободе. Эта физическая свобода в какой-то момент позволяет ей раскрепоститься эмоционально, и тогда она говорила все и прямо. Словно нащупывая границы этой свободы, она берет в руки револьвер, и у нее даже хватает духу приставить железное дуло к его виску. Для рассказчика этот поединок — борьба между ней и ним. Сможет ли он, вчерашний трус, сдержать этот ужас перед гибелью? Для героини этот поединок — борьба самой с собой: позволит она себе или не позволит, решится или не решится, имеет право или не имеет. Ее решение привело к тому, что Кроткая была побеждена. Такая явная параллель с раскольковскими метаниями приводит к иному решению — побеждает старуха-процентщица: он «победил, — и она была навеки побеждена!». Последние попытки к жизни Кроткой (уже бледно, но еще «усмехнулась бледными губами», уже в робких глазах, но все-таки вопрос) наткнулись на равнодушие. Физические ограничения интенсифицируют железная кровать в зале и ширма. И это героиня принимает без слов.

С этим молчанием в доме становится тихо. Ночной поединок закончился бредом, болезнью, но даже

и выздоровление не принесло оживления. Поединок впустил в дом тишину. И героиня уже «как бы рада была не сказать лишнего слова». Более того, предложение поговорить по душам вызывает в ней сильный испуг («она вздрогнула, отшатнулась в сильном испуге»). Ни усмешки, ни улыбки, ни складки, ни блеска в глазах — в ней нет эмоций, чувств, она опустошена. Сам герой замечает, что Кроткая имела вид робкой кротости, бессилия, и ее нежелание говорить — не молчание, а странная задумчивость. «Она слишком потрясена и слишком побеждена». Такое молчание подобно тишине, оно — «ничто», свидетельствующее о смерти души и приводящее к физической смерти.

Подобная тишина наступила также в доме отца Игнатия — героя рассказа Леонида Андреева *Молчание*⁵. Вера, его дочь, после сильной душевной травмы приезжает в родной дом. Однако все попытки матери Ольги Степановны и самого Игнатия, узнать, что же произошло, бесполезны. Молчание Веры лишь намекало на то, как Петербург — «что-то большое, гранитное, страшное, полное неведомых опасностей и чуждых, равнодушных людей»⁶ — погубил одинокую и слабую Веру. Имеено поэтому на отчаянный призыв «Вера, скажи, что с тобой?» девушка отвечала угрюмо, закрыв глаза: «А со мною ничего», «Ну, так, скучно мне немножко... я спать хочу». Эта скука, душевная пустота, выраженная в молчании, закончилась смертью.

Со смертью Веры в молчание погружается весь дом — «это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят». Смерть дочери лишил смысла жизни мать Ольгу Степановну. Замолчав от горя, какое-то время она живет, обвиняя мужа в черствости, в неумении помочь Вере. На попытки Игнатия погово-

⁵ Л. Андреев, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 1, Москва 1990.

⁶ Здесь и далее цитирование по: Л. Андреев, *Молчание* // Его же, *Избранное*, Москва 1990, с. 78–90.

рить у нее еще остались силы бросить на него упорный, тяжелый взгляд. Но страстное желание Игнатия понять, почему умерла Вера, желание приобщить к этому страшному разговору жену, лишают Ольгу Степановну чувств, и уже навсегда:

[...] когда она пришла (в себя), глаза ее молчали, и нельзя было понять, помнить она, что говорил ей о. Игнатий, или нет.

В рассказе Леонида Андреева молчание, как и говорение, приобретают символический смысл. Говорят те, кто живет, чувствует, радуется или страдает; человек жив чувствами. Еще жива была дочь Вера, когда под воздействием последних эмоций, отчаянного горя нетерпеливо перебивает: «Ах, мама!». Жива Ольга Степановна, когда борется за дочь, плачет, злым шепотом выговаривает мужу:

У-у! Это ты, поп, сделал ее такой. У тебя переняла она эту манеру. Ты и ответишь. Ах я несчастная...

И прежде чем погрузиться в молчание окончательно, Ольга Степановна лишилась чувств и пришла в себя только через несколько часов. Но в себя ли? «И когда пришла, глаза ее молчали». Не умолкает только сам отец Игнатий: бросая вызов молчанию, он бросает вызов и самой смерти. Вначале он мысленно обращается к мертвой дочери, хочет договорить с ней, продолжить диалог, начатый еще до смерти; а затем и в ее комнате, и перед ее портретом, и даже на ее могиле, в отчаянном горе, разбавленным нежной любовью, он восклицает *Вера!.. Скажи!* в надежде, что «невысказанное слово Веры [...] должно разрешить все». Но молчит мертвая дочь, молчит и жена:

— Родная!

Всем большим телом потянулся он к жене — и встретил взгляд серых глаз. В них не было ни сожаления, ни гнева. Быть может,

жена прощала и жалела его, но в глазах не было ни жалости, ни прощения. Они были немые и молчали.

И молчал весь темный опустевший дом.

* * *

Молчание порой более красноречиво, чем слово. Благодаря заместительной функции, оно способно говорить об ярких чувствах радости, любви, счастья или, наоборот, ненависти, горя. Молчание вследствие того, что душевные силы покидают человека, — *опустошенное молчание*. *Опустошенный* толкуется как «лишенный нравственных сил, не способный к творческой, активной жизни»⁷; *опустошенный взор, взгляд* — «выражающий духовную пустоту, бессилие»⁸. Опустошенное молчание вызвано тяжелой душевной драмой; это не просто отказ от речи. Это вообще не-деятельность, апатия, пассивность. Такое молчание возникает, когда уже ничего не надо, нет желания, оно вне мотива, вне интенциональности.

Опустошенное молчание — естественное следствием вынужденного молчания, когда адресат принимает чуждые ему условия общения, когда речевое поведение адресата выстраивается в соответствии с коммуникативным планом адресанта. Опустошенное молчание — это результат насилия, агрессии, когда вместе с вторжением в коммуникативное пространство адресата, происходит и ломка пространства аксиологического. «Кроткая слишком потрясена и слишком побеждена».

7 А. Евгеньева, *Словарь русского языка: В 4 томах*, Москва 1999.

8 С. Кузнецов, *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 1998.

Tatiana Kopylova

SILENCE EXPRESSING DEVASTATION IN THE STRUCTURE
OF RUSSIAN SPEECH BEHAVIOR
(BASED ON THE WORKS
OF FYODOR DOSTOEVSKY AND LEONID ANDREEV)

Summary

While studying a speaking person the modern linguistics increasingly frequently calls attention to a person who is keeping silence. Silence is an integral part of communication. Sometimes it is more informative and eloquent than a word. Silence is multifunctional as it expresses the entire palette of feelings and emotions. A special part in the structure of Russian speech behavior is played by the silence expressing devastation, spiritual emptiness of a person deprived of moral strength and incapable of living. This article reveals the peculiarities of this communicative phenomenon based on the works of Fyodor Dostoevsky and Leonid Andreev.